
Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект

А.В. МАТУЛИОНИС*, М. ФРЕЮТЕ-РАКАУСКЕНЕ**

***Матулионис Арвидас Виргилиус** – главный научный сотрудник, Институт социологии, Центр социальных исследований Литвы. Адрес: Литва, LT-01108, Вильнюс, ул. Гоштауто, д. 11. E-mail: matulionis@ktl.mii.lt.

****Фреюте-Ракаускене Моника** – научный сотрудник, Институт этнических исследований, Центр социальных исследований Литвы. Адрес: Литва, LT-01108, Вильнюс, ул. Гоштауто, д. 11. E-mail: frejute@ktl.mii.lt.

Предложенная статья основана на анализе данных международного исследования ENRI-East (интервью биографического характера с русскими информантами в Литве и Латвии). Авторами была поставлена задача: сравнить национальную, локальную, европейскую идентичности и идентичность со своей исторической родиной русских Литвы и Латвии. Цель сравнения – выяснить, как представители различных поколений русских в этих странах определяют свое этническое происхождение, как конструируют свои идентичности и как оценивают проводимую Евросоюзом политику. Исследование показало, что этничность и этническая идентичность для опрошенных русских информантов, проживающих в Литве и Латвии, важны и различаются в большей степени между возрастными группами, а также в зависимости от места их рождения и периода, когда информанты или их семьи иммигрировали в Литву или Латвию.

Ключевые слова: русские в Литве, русские в Латвии, этничность, локальная, национальная, европейская идентичности, идентичность с исторической родиной

Введение

В статье представлены данные об идентичности русской этнической группы в Литве и Латвии международного исследования «ENRI-East (Взаимодей-

стве европейской, национальной и региональной идентичностей: Нации между государствами вдоль новых границ Европейского союза)», проходившего в 2008–2011 гг.¹.

Статья основывается на данных биографических интервью, проведенных в Литве и Латвии, цель которых выяснить, как формируются этнические общности и насколько этничность важна в истории жизни отдельного человека. Во время интервью информантам задавались вопросы о том, как они определяют свое этническое происхождение и национальность, связь с местом/страной проживания и своей исторической родиной, дискриминационный опыт, гражданскую и политическую активность, влияние политических и социальных изменений (в том числе и процесса евроинтеграции) на респондентов различных поколений при конструировании своей этнической идентичности. Исследование ставило целью сравнить опыт, самоопределение и идентичность русской этнической группы в этих странах. В дополнение к качественным данным в статье используются данные количественного опроса (ENRI-VIS), проведенного в Литве и Латвии. Важно отметить, что исследование ENRI-East – одно из немногих, анализирующих идентичность русской этнической группы в Литве, а также позволяющее сравнить взаимодействие идентичностей и их особенности в Литве и Латвии. Русская этническая группа в Литве и русская идентичность, в отличие от Латвии, были исследованы не так всесторонне (см., напр.: [Волков 1999; Volkov 2009; Muižnieks 2006, 2010; Zepa, Šūpule 2005]). Среди работ, описывающих этнические группы в Литве, в том числе и положение русской этнической группы, следует упомянуть исследования А. Матулиониса [Matulionis 1992; Matulionis 2005], Н. Касаткиной [Касаткина 1997; Kasatkina, Leončikas 2002; Kasatkina, Leončikas 2003; Kasatkina 2007; Kasatkina, Marcinkevičius 2009], В. Бересневичюте [Beresnevičiūtė 2005; Beresnevičiūtė (1) 2011; Beresnevičiūtė (2) 2011], Т. Леончика [Leončikas 2004], А. Марцинкявичюса [Marcinkevičius 2007], К. Шлявайте [Sliavaite 2005] и Г. Поташенко [Potashenko 2010].

В общественных науках используются разные термины и определения, описывающие этничность и идентичность. В данной статье понятие *этничность* используется как определяющее общность, основанную на общем происхождении и чувстве солидарности, и таким образом позволяет говорить об этничности в отличие от понятия *народ*, которое в большей степени связано со своеобразными языковыми, культурными и идеологическими пластами [Kasatkina, Leončikas 2003, p. 17]. Понятия *общность* и *идентичность* в статье используются синонимично, основываясь на идее общности членов (этнической) группы со своей группой и понимании отличия от другой группы как основы идентичности (идентификации) [Triandafyllidou 1998, p. 600]. Предполагается, что определенная группа имеет свою идентичность, если она обозначает себя как группу и противопоставляет себя другой группе, придавая известные, не изменяющиеся со временем смыслы обозначения себя как группы [Eder 2009, p. 428].

¹ Проект финансировался в рамках 7-ой общей программы Европейского союза FP7-SSH. Номер договора №217227. В Литве в качестве партнера проекта (руководитель – проф. А.В. Матулионис) исследование проводил Центр социальных исследований Литвы, в Латвии – Балтийский институт социальных наук. Исследование ENRI-East в Литве и Латвии заключало несколько этапов: количественные опросы (ENRI-VIS), качественные глубинные интервью биографического характера и интервью экспертов.

Основные социальные и демографические черты русской этнической группы в Литве и Латвии

И в Литве, и в Латвии после сокращения населения вследствие репрессии, депортации и военных потерь количество жителей снова стало расти благодаря миграции из других республик Советского Союза. Согласно историку А. Марцинкявичюсу, изучавшему данные переписи в советской Литве, «русские представляли группу, для изменения показателей которой исключительное значение имел миграционный фактор, позволивший численно опередить такую историческую этническую группу в Литве как поляки» [Marcinkevičius 2012, p. 63]. В 1959 г. число русских в Литве достигло 231 014 чел. (8,5%), в 1970 г. – 267 989 чел. (8,6%), в 1979 г. – 303 493 чел. (8,9%), в 1989 г. – 334 500 чел. (9,4%). Для сравнения, в 1923 г. в Литве (без Вильнюсского и Клайпедского краев) насчитывалось 50 460 русских (2,5%) [Marcinkevičius 2012, p. 63]. После восстановления государственности в 1990 г. в Литве уменьшилась как численность всего населения, так и число русских, поляков и белорусов: по сравнению с данными переписи 1989 г. численность русских снизилась почти вдвое, в то время как доля поляков среди всего населения сократилась не столь существенно (таблица 1).

Таблица 1. Наиболее многочисленные этнические группы в Литве

Этническая группа/Год	1923	1959	1979	1989	2001	2011
Всего населения (тыс.):	2028,9	2711,4	3391,5	3674,8	3484,0	3043,4
Процент от всего населения:						
Литовцы	69,2	79,3	80,0	79,6	83,5	84,2
Русские	2,5	8,5	8,9	9,4	6,3	5,8
Поляки	15,3	8,5	7,3	7,0	6,7	6,6
Белорусы	0,4	1,1	1,7	1,7	1,2	1,2

Источник: Lietuvos statistikos departamentas. 1992. Lietuvos gyventojai 1991. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas; Lietuvos statistikos departamentas. 2002. Gyventojai pagal lytį, amžių, tautybę ir tikybę. Surašymas 2001. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas; Gyventojai pagal tautybę 2001 ir 2011 metais, Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 metų gyventojų surašymas, Lietuvos statistikos departamentas, 2011.

Численность населения в Латвии и Литве увеличивалась благодаря миграции из других республик Советского Союза, однако больше всего иммигрантов прибыло из восточных славянских стран, и их доля в Латвии стремительно увеличивалась [Rozenvalds 2010, p. 34]. Доля русских жителей Латвии выросла с 10,6% в 1935 г. до 26,6% в 1959 г., до 29,8% в 1970 г. и до 34% в 1989 г. [Rozenvalds 2010, p. 34]. Похожий, но все же несколько меньший масштаб роста числа жителей замечен в этнической группе белорусов и в украинской этнической группе [Rozenvalds 2010, p. 34] (таблица 2).

Таблица 2. Этнический состав населения Латвии

Этническая группа/Год	1935	1959	1970	1979	1989	2000	2011
Всего населения (тыс.):	1950,4	2093,5	2364,1	2502,8	2666,6	2375,3	2070,3
Процент от всего населения:							
Латыши	75,4	62,0	56,8	53,7	52,0	57,7	62,1
Русские	10,6	26,6	29,8	32,8	34,0	29,6	26,9
Белорусы	1,4	2,9	4,0	4,5	4,5	4,1	3,3
Украинцы	0,09	1,4	2,3	2,7	3,5	2,7	2,2
Поляки	2,5	2,9	2,7	2,5	2,3	2,5	2,1
Литовцы	1,2	1,5	1,7	1,5	1,3	1,4	1,2
Евреи	4,8	1,7	1,6	1,1	0,9	0,4	0,3
Немцы	3,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1

Источники: Central Statistical Bureau of Latvia. Available at: <http://data.csb.gov.lv/DATABASEEN/Iedzsoc/Annual%20statistical%20data/04%20Population.asp>; Central Statistical Bureau of Latvia, Results of the 2000 Population and Housing census in Latvia: Collection of Statistical Data. Riga: 2002, p. 121, цит. по: Rozenvalds 2010, p. 34).

Данные 2011 г. по: Gada tautas skaitīšanas rezultāti īsumā. Informatīvais apskats. Latvijas Statistika, 2012. Available at: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_izuma_12_00_lv.pdf; Population Census 2011 – Key Indicators. Available at: <http://www.csb.gov.lv/en/statistikas-temas/population-census-2011-key-indicators-33613.html>.

Таблица 3. Этнический состав населения городов и уездов Литвы по данным переписи 2011 г.

Местность	Литовцы	Поляки	Русские
	Процент от всего населения:		
Вильнюс	63,2	16,5	12,0
Каунас	93,6	0,4	3,8
Клайпеда	73,9	0,3	19,6
Шяуляй	93,6	0,2	4,1
Паневежис	96,1	0,2	2,4
Вильнюсский уезд	59,4	23,0	10,3
Утенский уезд	79,1	4,0	12,5
Клайпедский уезд	85,6	0,2	10,4
Каунасский уезд	94,4	0,5	3,2
Шяуляйский уезд	95,7	0,1	2,7
Паневежский уезд	96,4	0,2	2,3
Тельшайский уезд	97,4	0,1	1,4
Таурагский уезд	98,3	0,1	0,7

Источники: Gyventojai pagal tautybę 2001 ir 2011 metais, Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 metų gyventojų surašymas, Lietuvos statistikos departamentas, 2011, p. 20-22.

Наиболее многочисленные группы этнических меньшинств Литвы, по данным последней переписи 2011 г., – поляки и русские, а в Латвии наиболее масштабная группа этнического меньшинства – русские (*таблицы 1, 2*). В отличие от поляков, расселение русских на территории Литвы носит дисперсный характер: в то время как польское население компактно проживает в городах и районах юго-восточной Литвы, русские концентрированно селятся в Вильнюсе, Клайпеде и крупных городах Утенского, Клайпедского, Каунасского, Шяуляйского и Паневежского уездах с развитой промышленностью (*таблица 3*).

Подобно Литве, в советское время русское и русскоговорящее население Латвии составляло большинство в 7 больших городах Латвии – Риге, Даугавпилсе, Резекне, Елгаве, Юрмале, Лиенае и Вентспилсе [*Zepa, Šūpule, Kļave, Krastiņa, Krišāne, Tomsone 2005, p. 15. цит. по: Beresnevičiūtē, Leončikas, Marcinkevičius, Matulionis, Šliavaitē (1) 2011, p. 16*]. В 2004 г. русские составляли 42,9% всех жителей Риги, 54,5% – жителей Даугавпилса, 30,4% – жителей Елгавы, 36,4% – жителей Юрмалы, 33,7% – жителей Лиенаи, 49,4% – жителей Резекне и 30,7% – жителей Вентспилса [*Zepa, Šūpule, Kļave, Krastiņa, Krišāne, Tomsone 2005, p. 25; цит. по: Beresnevičiūtē, Leončikas, Marcinkevičius, Matulionis, Šliavaitē (1) 2011, p. 16*]. Больше всего жителей, говорящих дома по-русски, по данным переписи 2011 г., проживает в Латгальском регионе (60,3% всех жителей), Риге (55,8% всех жителей), Рижском районе (25,9% всех жителей), Земгальском регионе (23,3% всех жителей), Курземе (19,3% всех жителей) и в регионе Видземе (8,4% всех жителей) (*таблица 4*).

Таблица 4. Использование языков дома жителями Латвийских регионов по данным переписи 2011 г.

Местность	Латышский	Русский	Другие
	Процент от всего населения:		
Рига	43,4	55,8	0,8
Рижский район	73,5	25,9	0,6
Видземе	91,2	8,4	0,4
Курземе	79,7	19,3	1,0
Земгале	76,0	23,3	0,7
Латгале	39,0	60,3	0,7

Источник: 2011. Gada tautas skaitīšanas rezultāti īsumā. Informatīvais apskats. Latvijas Statistika. 2012. Available at: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_izuma_12_00_lv.pdf

Следует отметить, что вследствие демографического кризиса численность русских в Литве и в Латвии в 2001 и 2011 гг., равно как и численность всего населения этих стран, существенно сократилась: снижение рождаемости, увеличение числа лиц пенсионного возраста, диспропорции между продолжительностью жизни мужчин и женщин значительно изменили состав русского населения в Литве и Латвии.

По сведениям департамента статистики Литвы, в 2001 г. значительное уменьшение численности русских в основном обусловила эмиграция, тогда как численность литовского населения уменьшилась из-за сокращения натурального прироста

и эмиграции [Kasatkina, Leončikas 2003, p. 37]; называются и такие факторы как сокращение рождаемости, характерное для людей с высшим образованием, и ассимиляция [Leončikas 2007, p. 38]. Следует обратить внимание на несколько других факторов, усиливающих установку на потенциальную эмиграцию русской этнической группы: это и большой риск безработицы для членов русской этнической группы, и отрицательная оценка изменения социального статуса за последние 20 лет [Kasatkina, Leončikas 2003, p. 45; Beresnevičiūtė 2005, p. 140; Kasatkina, Leončikas 2003, p. 273, цит. по: Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 22], и проявляющееся социальное неравенство внутри этнической группы [Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 22]. Например, по данным исследования ENRI-VIS, значительная часть русских респондентов в Литве (38%) и в Латвии (29%) причислили себя к группе низкого социального статуса, хотя в этнической группе русских Литвы оказалась и самая большая часть респондентов, оценивших свой социальный статус самыми высокими баллами (20,4% респондентов), тогда как в Латвии таких респондентов насчитывалось лишь 2,4% [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 35; Beresnevičiūtė (2) 2011, p. 32].

С сокращением общего числа русских в Литве и Латвии и, в частности, со снижением численности молодого поколения, уменьшилось и количество общеобразовательных школ с преподаванием на русском языке. За последнее десятилетие (2001–2011 гг.) в Литве число школьников, изучающих русский язык, сократилось более чем вдвое (на 59,6%), а общее число школьников за этот же период уменьшилось на 27,8%. Статистические данные показывают, что в 2010–2011 гг. в школах с преподаванием на литовском языке училось 92,6% всех школьников, в «русских» школах – 3,9%, в «польских» – 3,3% [Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 23–24]. Количество школ с тремя основными языкам обучения в 2000–2011 гг. сокращалось неравномерно: в значительной степени сократилось число «русских» школ – на 49,2%, количество школ с обучением на литовском языке снизилось на 42,2%, с польским языком преподавания – на 33% [Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 24]. Несмотря на то, что в связи с сокращением числа учащихся реформа образования была необходима, существует мнение, что переход учащихся в школы с преподаванием на литовском языке может связываться и с большими возможностями социальной мобильности в обществе [Leončikas 2007, цит. по: Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 24]. Как показали данные проведенного в 2007–2009 гг. исследования «Города и языки», большинство русских респондентов сообщили, что хотели бы детей отдать в двуязычную школу, в которой преподавание ведется на русском и литовском языках (по 59% респондентов в Клайпеде и Вильнюсе, 33% – в Каунасе) [Brazauskienė 2010, p. 112].

В Латвии, по данным Министерства образования и науки, за 1998–2008 гг., с 1998/1999 по 2007/2008 учебные года, число школ с обучением на русском языке сократилось с 195 до 141, особенно уменьшилось число двуязычных школ (в 1998/1999 учебном году существовали 145 школ, тогда как в 2007/2008 гг. – лишь 88, из которых 40% – в Латгалии) [Zepa 2010, p. 195]. По данным того же Министерства, было заметно и сокращение числа изучающих русский язык – с 1998/1999 по 2005/2006 учебный год в школах с обучением на латышском языке количество таких учеников сократилось до 11 944 чел., в «русских» школах за тот же самый период – до 37 728 школьников [Zepa 2010, p. 195]. Количество молодых людей, знания латышского языка которых усвершенствовались, выросло с 40% в 1996 г. до 73% в 2008 г. С другой стороны, в 2004 г., когда активнее всего прово-

дилась реформа образования, представление об использовании латышского языка стало отрицательнее (38% русскоговорящих в 2003 г. были положительно настроены к говорящим по-латышски, тогда как в 2004 г. – лишь 27%) [Zepa 2010, p. 195].

Как считают социологи, сравнительно высокий уровень образования дал возможность русским обеспечить лучшее положение на рынке труда, и уменьшение разницы в уровне образования между этническими группами в современном обществе ученые связывают с эмиграцией из Литвы высококвалифицированных русских специалистов [Brazauskienė 2010, p. 112; Kasatkina, Beresnevičiūtė 2010, p. 14; Šliavaite 2005, цит. по: Petrušauskaitė, Pilinkaitė Sotirovič 2012, p. 27].

По утверждению латвийских ученых, в первые годы независимости Латвии ситуация на рынке труда для представителей этнических меньшинств была неблагоприятной: во-первых, нелатыши во времена Советского Союза сосредотачивались в секторах промышленности и исследований, связанных с военно-промышленным комплексом, особенно пострадавших в переходном процессе; во-вторых, из-за посредственного знания латышского языка, и, в-третьих, у большинства нелатышей отсутствовало латышское гражданство, что также затрудняло интеграцию на рынке труда [Hazans 2010, p. 125]. Следует отметить, что значительное число жителей Латвии настаивают на обязательном знании и русского, и латышского языков [Tabuns 2010, p. 263]. Подразумевается, что риск безработицы в этнических меньшинствах был выше, и этот разрыв остается определяющим среди жителей с высшим образованием [Hazans 2010, p. 153]. Кроме того, незнание латышского языка до сих пор остается одним из барьеров для интеграции на рынке труда, поэтому считается, что каждая попытка ужесточения языковой политики в Латвии увеличивает постоянную рабочую эмиграцию среди представителей этнических меньшинств, обостряя демографические проблемы страны [Hazans 2010, p. 153].

Краткий исторический контекст, связанный с этнической группой русских в Литве и Латвии, и этнополитика, проводимая в этих странах

Важно отметить неоднородность русской общины в Литве, которую социологи и историки обычно связывают с историческими миграционными процессами в этой республике [Kasatkina 1997; Marcinkevičius 2007; Kasatkina, Marcinkevičius 2009]. Говоря о социальной интеграции, важно иметь в виду, что в разные периоды различались и цели приезда русских, и уровень их образования, профессиональных навыков, гражданского самосознания, материального достатка [Marcinkevičius 2007, p. 219–220]. Русские на территории современной Литвы жили еще до XVII в.: так, Н. Касаткина, упоминая несколько иммиграционных потоков русских (до XVII в.; иммиграция старообрядцев из-за религиозного преследования в XVII в.; волна приезжих из Российской империи в XIX в.; миграция беженцев из России после Октябрьского переворота 1917 г.), подчеркивает, что русские, приехавшие после 1917 г., больше ценили суверенность Литвы, чем приехавшие в XIX в., рассматривавшие ее как «бывшую провинцию империи», а не как независимое государство [Kasatkina 1997, p. 62, цит. по: Marcinkevičius 2007, p. 219–220]. В 1923 г. в Литве проживало 50 460 русских, 82% из которых селилось в деревнях [Lietuvos gyventojai 1923, цит. по: Marcinkevičius 2007, p. 223]. Как уже было сказано выше,

миграция людей русской национальности как в Литву, так и в Латвию стала гораздо более интенсивной в советский период из-за политики, поощряющей межреспубликанскую миграцию. В этот период в Литве почти 60% русских работало в промышленной сфере [Kasatkina, Leončikas 2003, p. 45], и лишь незначительное число русских прибыло сюда уже после восстановления государственности (таблица 1). После 1990 г. – года декларации независимости, выросло новое поколение русских – граждан Литвы, получивших образование в Литве, хорошо владеющих литовским языком и как другие граждане страны в условиях глобализации в большей или меньшей степени связывающих свое будущее с Литвой.

Русская община в Латвии, также как и в Литве, неоднородна, а живущее в этой республике русское этническое меньшинство – это иммигранты разных исторических периодов. Одним из потоков русской иммиграции в Латвию, как и в Литву, считается переселение старообрядцев XVII в., бежавших от религиозного преследования из России, и волна XVIII–XIX вв., когда территория нынешней Латвии (раньше, чем Литва) была присоединена к Российской империи. Согласно первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. на территории Латвии проживало 171 000 русских, в основном в регионах Латгалия и Видземе [Волков 1999]. В межвоенные годы большинство русских было занято в сельском хозяйстве не только в Литве, но и в Латвии, однако по сравнению с Литвой в Латвии русские в большей степени были заняты городскими профессиями. «В 1930 г., по данным второй всеобщей переписи населения Латвии, в сельском хозяйстве работало 72,2% всех русских и белорусов, а дифференциация между русскими и представителями этнического большинства в Латвии было гораздо заметнее, чем в Литве, поскольку в сельском хозяйстве было занято только 64,1% латышей» [Kasatkina, Marcinkevičius 2009, p. 145]. После Второй мировой войны демографическая и лингвистическая ситуация в Латвии кардинально изменилась – численность русской общины сильно увеличивалась за счет военных Советской армии и членов их семей, а также рабочих-иммигрантов [Muižnieks 2006, p. 12–13].

Этническая политика Латвии после восстановления независимости считалась более проблемной и критиковалась чаще, чем этническая политика Литвы. Латвийское гражданство предоставлялось автоматически лишь лицам, являвшимся гражданами Латвии до 14 июля 1940 г., вследствие чего большая часть жителей Латвии осталась без гражданства. Предусмотренные годовые квоты для лиц, имеющих право обратиться за гражданством, много критиковалась при вступлении страны в Евросоюз из-за их несоответствия общим требованиям ЕС в области прав человека и прав этнических меньшинств [Sprūds 2000]. По данным переписи 2011 г., латвийское гражданство имели 83,5% жителей Латвии, 14,2% всех жителей – латвийские неграждане [Gada tautas skaitīšanas rezultāti īsumā 2012, p. 3].

Принятый в 1989 г. в Литве закон о гражданстве предоставлял право на гражданство всем, кто работал и жил в стране к моменту восстановления независимости и за 2 года определился с выбором гражданства (такое решение называлось «нулевым выбором»); этот закон наделял равными гражданскими правами всех постоянных жителей Литвы. Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство жителей Литвы, в том числе и проживающие в Литве этнические меньшинства, приняли решение стать гражданами Литвы: по данным переписи 2011 г., 99,3% жителей имеют литовское гражданство [Lietuvos gyventojai 2011 metais 2011, p. 22], что отчасти увеличивает возможности интеграции русских в литовское общество и их участия в общественной жизни страны. В Литве закон о национальных

меньшинствах, гарантирующий право на учебу на родном языке и другие условия сохранения в Литве национальной самобытности представителей нацменьшинств, был принят еще в 1989 г. и действовал долгие годы после восстановления государственности, вплоть до 2010 г. После прекращения действия этого закона проведение государственной политики в области национальных меньшинств координирует Министерство культуры Литвы, а современные направления политики в области национальных меньшинств регулируют лишь подзаконные правовые акты (программы интеграции, утверждаемые решением правительства) [Petrušauskaitė, Pilinkatė Sotirovič 2012, p. 16].

По данным исследований общественных установок в Литве 2012 г., этнические группы русских, белорусов, украинцев оцениваются наиболее благожелательно с точки зрения социальной дистанции (они считаются наиболее подходящими соседями (с русскими не хотели бы жить рядом лишь 5,1% опрошенных) и наиболее благоприятными коллегами (с русскими не хотели бы работать лишь 3,9% опрошенных жителей Литвы) [Frėjūtė-Rakauskienė 2012, p. 80]. За последние 5 лет мнение о традиционных этнических группах белорусов, русских и украинцев, живущих в Литве, изменилось больше всего по сравнению с другими этническими и религиозными группами (напр., цыганами, чеченцами, мусульманами): представления коренных литовцев скорее улучшилось или сильно улучшилось о русских (45,3%), украинцах (44%) и белорусах (43,5%) [Frėjūtė-Rakauskienė 2012, p. 80]. Добавим, что положительная оценка белорусов, русских и украинцев в 2012 г. на установках общества отразилась и при ответах жителей Литвы на вопрос о том, мигрантов из каких стран они бы хотели видеть в Литве – здесь предпочтения отдаются Белоруссии, России и Украине [Frėjūtė-Rakauskienė 2012, p. 80]. Для сравнения – данные исследований в Латвии [Tabuns 2010, p. 260] о социальной дистанции по отношению к этническим группам показали, что в 2004 г. две трети латышей (66%) согласились бы на брак их сына/дочери с представителем русской национальности.

Исследования о представлении русских в литовской прессе на литовском языке [Frėjūtė-Rakauskienė 2009; Frėjūtė-Rakauskienė 2012] показывают, что обсуждаемая в СМИ проблематика, касающаяся русской этнической группы, однообразна, местная община в основном упоминается в статьях об образовании, культуре и (не)использовании литовского языка. Другая проблематика, связанная с группой русских, касается исторического контекста периода Второй мировой войны и межгосударственных связей Литвы и России. Проявляется тенденция политизировать проблематику, относящуюся к русской этнической группе, однако фактор опасности связывается не с живущими в Литве русскими, а с Россией и проводимой ею политикой [Frėjūtė-Rakauskienė 2009, p. 110].

Латвийские ученые, изучавшие содержание прессы на латышском и русском языках, отмечают, что описание событий, акценты и аргументы сильно разнятся и не изменяются со временем [Šulmane 2010, p. 240]. «Например, пресса на латышском языке редко пишет о русских, говорящих на нескольких языках, довольных жизнью, не ждущих, что Россия их защитит и не поддерживающих политику России» [Šulmane 2010, p. 243]. «Нашлось лишь несколько статей, в которых обнаружилась попытка понять родившегося в России, стремящегося доказать свое знание языка и истории Латвии, в свою очередь пресса на русском языке никогда не описывает судеб членов Латышского легиона и не пытается понять латышей, возможности коммуникации которых на латышском языке в столице Латвии ограничены» [Šulmane 2010, p. 243].

Общность русских с Литвой и Латвией (страной проживания)

Во время глубинного интервью² биографического характера задавался вопрос об общности со страной проживания. Информантов спрашивали, насколько страна, город или место проживания важны для них; чувствуют ли они, что принадлежат к этой стране, городу или месту, в котором живут (нередко и родились). Также им задавался вопрос о том, что им нравится или не нравится в жизни в Литве и Латвии и почему. Уехали ли они из страны, если бы представилась такая возможность?

Русские Литвы (эпизод первый)

Разница в отождествлении себя с Литвой заметна не столько между возрастными группами информантов, сколько между теми, кто родился в Литве, и теми, кто родился за ее пределами. С другой стороны, даже те, кто не родился в Литве, считают ее своим родным домом. Например, одна информантка, родившаяся в России, но уже пятьдесят лет живущая в Литве, указывает Вильнюс как свой родной дом: здесь она живет, здесь работала, вышла замуж, сюда из России привезла свою маму, которую здесь же и похоронила.

Опрошенные респонденты молодого и среднего поколения, родившиеся в Литве, больше идентифицируют себя с Литвой, чем с Россией. Приведем примеры высказываний респондентов.

«Литва – моя родина. Вильнюс – моя родина. <...> Все проходило в Вильнюсе и мы здесь живем в Старом городе. В этом районе живут пять поколений по маме... в одном районе. Так что уже всеми корнями росли...» (Наталья Михайловна³).

«Я считаю себя русским. Я не знаю, как себя чувствуют другие. Как и все русские в понедельник себя чувствую плохо. (Смеется). Мы же здесь не совсем русские. То есть, русские Литвы, русские России – это настолько разные люди, что даже говорят по-разному» (Валерий Петрович).

«Литва – конечно. Даже не Литва, скорее, Вильнюс, а Каунас я не люблю. А Вильнюс очень нравится» (Павел Александрович).

Тесная общность с местом и страной проживания информантов отчасти отражается и в данных количественного исследования ENRI-VIS о миграционных установках. Информантам задавался вопрос о том, воспользовались бы они возможностью переезда в другую страну одни или вместе с семьей при гарантированной финансовой и социальной поддержке. Меньше половины опрошенных русских (41%) ответили, что не хотят никуда уезжать, 29% русских сказали, что

² При отборе информантов акцентировались два демографических показателя – пол и возраст, тогда как образование не являлось критерием отбора. В Литве и Латвии были опрошены представители трех поколений, информанты имели не только разный исторический иммиграционный опыт, но и разный уровень образования. Кроме того, в Латвии были опрошены русские, живущие в различных городах (Риге, Резекне, Даугавпилсе), а в Литве русские были опрошены только в Вильнюсе. В Латвии, в отличие от Литвы, опрашивались и имеющие латвийское гражданство русские, и неграждане.

³ Имена всех информантов изменены.

уехали бы, а 23,5% русских сомневались и говорили, что, скорее всего, уехали бы. Наибольшее различие миграционных тенденций опрошенных русских обозначено в возрастных группах: самые молодые информанты хотели бы покинуть Литву (46%), в то время как из возрастной группы среднего поколения уехать хотели бы 37%, а из старшего поколения – лишь 18%. Среди стран, в которые чаще всего хотели бы переехать, упоминались Россия (29%), Великобритания (16%) и США (11%) [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 40].

Другой фактор, важный для описания общности этнических меньшинств со страной и показывающий, как они себя чувствуют – это этнические конфликты и опыт дискриминации. По данным количественного исследования ENRI-VIS, этнические меньшинства чаще замечают напряженность в стране, имеющее не этнический характер, а социальный (богатые/бедные, старые/молодые): так, половина опрошенных русских (49%) в первую очередь отмечают обострение отношений между богатыми и бедными, сходное количество русских (41%) признают наличие лишь некоторой напряженности. Если говорить об обострении межэтнической ситуации, то почти половина русских (47%) признают этот факт, и лишь 10% считает, что напряжение велико; а 41% русских отрицают какое-либо ее существование [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 36].

Говоря об этнических конфликтах и дискриминационном опыте опрошенных русских респондентов, проявившемся во время биографических интервью, ни один из них не ощущал никакого напряжения и не замечал конфликтов между русскими и литовцами.

Представители молодого поколения упомянули некоторые повседневные ситуации (например, испытывали предвзятое отношение к себе в университете, на курсах вождения и т.д.). Один молодой человек упомянул действия литовской молодежи радикально правых (экстремистских) взглядов. Представители старшего поколения или те, кто не говорит по-литовски, вспомнили несколько неловких ситуаций, связанных с литовским языком (например, замечания некоторых людей о том, что они все еще не говорят по-литовски; люди не отвечают на их вопросы, заданные по-русски, хотя нередко извиняются, что не могут ответить, потому что не знают русского языка). Однако ни один из респондентов не чувствовал себя дискриминируемым по языковому принципу.

Русские Латвии (эпизод первый)

Идентичность русских в Латвии, в отличие от русских в Литве, в большей степени связана с локальностью. Респонденты на первое место ставили местность, в которой они проживают, город, регион или страну (например, Рига, Даугавпилс, Резекне, Голышево, Латгале (регион в восточной Латвии) и Латвия), и эта тенденция превалирует в ответах информантов молодого поколения:

«Ну, я, конечно, если уеду в какую-то другую страну, то Ригу я не забуду никогда. Я буду по ней скучать и буду плакать, когда буду уезжать. Когда буду приезжать, тоже буду плакать, потому что это родной город, я прожила тут все детство. <...> И это моя родина, я люблю это место и дорожу им всем сердцем, и если жизнь заставит, конечно, я куда-то уеду, но если будет какая возможность здесь остаться, то я останусь» (Мария Петровна).

С другой стороны, ясного различия между возрастными категориями все же не отмечено (даже среди тех, кто родился вне Латвии): так, представительница старшего поколения не чувствует никакой ностальгии по России:

«Нет, я не скажу, что я скучаю. (Смеется) Потому что, наверное, я не сильно хорошо жила (смеется) и трудно мне было. Поэтому я не стремилась даже... (в 1949 г. респондентка бежала из России в Латвию от голода – прим. автора)» (Вера Борисовна).

В Латвии заметны различия между гражданами и негражданами, но с другой стороны, даже те граждане, которые родились в Латвии, идентифицируются с ней, а не с Россией, а особенно с местом, в котором живут. Например, представитель среднего поколения во время интервью выразил возмущение тем, что не является гражданином Латвии. Он высказался с огорчением, что он – «никто» в Латвии, но при этом считает Латвию своим родным домом и не хочет ехать в Россию:

«<...> Я себя считаю латвийцем. Знаете, мои родные из России спрашивали, кем я себя считаю и почему я не хочу вернуться в Россию. А как я туда вернусь? Я здесь родился, мое детство прошло здесь, в Латвии! Я даже ездил в Россию пару раз, я где-то понимаю, что корни мои оттуда, но с Россией меня ничего не связывает. У меня жизнь прошла здесь. У меня здесь сын родился. Я здесь один раз женился, второй раз, работал здесь. То есть, вся жизнь моя прошла здесь и я себе другой страны не представляю. Я считаю Латвию, Ригу своей родиной, а не какую-то там Россию. Я туда могу съездить в гости, но родина моя здесь» (Алексей Сергеевич).

Основываясь на данных количественного исследования ENRI-VIS о миграционных установках, в Латвии преобладают схожие с Литвой тенденции. 40% русских, живущих в Латвии, ответили, что они никогда бы не уехали из страны, 32% русских респондентов сообщили, что точно уехали бы, и 22% сомневались и, возможно, уехали бы. Более выраженные миграционные установки преобладают среди респондентов молодого и среднего возраста и среди тех, кто является гражданами Латвии и получает доходы выше или ниже среднего. 31%, изъявивших желание уехать из Латвии, выбрали Россию, 10% – Великобританию, 8% – Германию и 4% – Ирландию [Beresnevičiūtē (2) 2011, p. 36–37].

Данные количественного исследования ENRI-VIS показали, что, как и в Литве, в Латвии большинство русских (49%) подчеркивают растущую напряженность между бедными и богатыми, а 38% считают, что она незначительна. Говоря же о напряженности в отношениях между молодыми и пожилыми людьми, большинство информантов (54%) признали наличие лишь некоторого напряжения, тогда как 33% заявили, что напряжение отсутствует. Что касается межэтнической напряженности, то тенденции схожи с наблюдаемыми в Литве. Почти половина опрошенных (49%) считает, что есть незначительное напряжение между латвийскими русскими и латышами, 15% полагает, что оно огромно, а 32% ответили, что такого напряжения совсем нет [Beresnevičiūtē (2) 2011, p. 33]. Во время биографического интервью ни один русский информант в Латвии не указал примеров личного дискриминационного опыта.

Говоря о напряженности и конфликтах между русскими и доминирующими этническими группами, различия между Литвой и Латвией представляются весьма значительными. Несмотря на то, что ни один из опрошенных не ощущал сильного межэтнического напряжения и не сталкивался с конфликтами на этой почве,

в Латвии большинство опрошенных русских ощущает напряжение между русскими и латышскими этническими группами из-за языковых различий.

И в Латвии, и в Литве дискриминационный опыт, конфликты и напряжение на этнической почве одинаково понимаются разными поколениями, хотя следует отметить, что информанты среднего и молодого поколения сильнее ощущают этническое напряжение в обществе (между соседями, коллегами, на улице), однако это может быть обусловлено их более активным участием в социальной жизни по сравнению с представителями старшего поколения. Например, информантка старшего поколения из Латвии не чувствует этнического напряжения между русскими и латышами, она говорит по-русски в повседневной жизни и не испытывает из-за этого никаких неудобств. Она подчеркнула, что во времена ее работы на фабрике не только русские, но и латыши говорили между собой по-русски. Представительница среднего поколения утверждала, что этническая нетерпимость в Латвии между русскими и латышами была, но сейчас она стала меньше, что «... *сделалась, скажем, гораздо более дружественная атмосфера. Я не вижу дружбы, думаю, что не будет дружбы в будущем. Но отношения стали более толерантные, более терпимые*» (Александра Кирилловна). Она считает, что сейчас этническая нетерпимость менее выражена и менее ощутима в сравнении с 1991 г., когда Латвия объявила о своей независимости. Она помнит, что в 1991–1993 гг. *«русские в общественном транспорте старались не говорить, они не понимали по-латышски, но они старались не говорить по-русски, потому что как только ты говорил по-русски, сразу слышал: “Собирайте свои чемоданы и езжайте домой!”*». Ненависть ощущалась не только в обществе, но и в государственных учреждениях, когда служащие слышали кого-нибудь говорящего с русским акцентом. При этом другая представительница среднего поколения сообщила, что не сталкивается с этническими конфликтами и не испытывает никакого этнического напряжения в Латвии. Она не говорит по-латышски, но не испытывает из-за этого никаких проблем на работе – там говорят по-русски (владелец фирмы русского происхождения). Другая респондентка среднего поколения очень разочарована в политической ситуации в Латвии, потому что общество разделено на граждан Латвии и неграждан, большинство которых – русские. Она приводит пример своей семьи: ее отец не имеет гражданства Латвии, потому что родился не в Латвии, но живет в Даугавпилсе с двухлетнего возраста. Она участвовала и в акциях протеста против закона об образовании и считает, что такие законы, как закон о государственном языке, дискриминируют русских в Латвии.

Информант, учащийся в школе, сообщил, что его лично, как и других учащихся, коснулась реформа латвийской системы образования и выразил возмущение, что должен изучать так много предметов на латышском, особенно историю. Другая представительница молодого поколения считает, что русские в Латвии не чувствуют себя комфортно из-за ощущаемого ими напряжения на этнической почве. Она также признает, что случаются ситуации, когда с ней обращаются предвзято, потому что она русская (ее коллега, латыш, оказывает на нее давление).

Идентичность русских с Россией (исторической родиной)

Во время интервью биографического характера задавались вопросы об общности со своей исторической родиной (Россией), бывали ли информанты когда-либо в России, что они о ней думают, есть ли у них родственники или друзья в России?

Русские Литвы (эпизод второй)

Представители всех поколений идентифицируют себя с Россией, при этом представители младшего поколения в большей степени идентифицируются не со страной (географически), а с русской культурой. Отчасти можно утверждать, что информанты старшего поколения больше чувствуют связь не с современной Российской Федерацией, а с Советским Союзом, хотя несколько информантов младшего поколения также говорили, что Советский Союз и преобладавшая в нем русская культура повлияли на них. Большинство опрошенных респондентов в Литве идентифицируются с Россией как со своей исторической родиной с культурной точки зрения.

Русская женщина старшего поколения в Литве предлагает для описания общности русских, в том числе и себя, с Россией использовать понятие не «русские», а «россияне». Американский политолог Д. Лаитин, который в своем исследовании о формировании русской идентичности в балтийских и других странах [Laitin 1998] утверждает, что в русском языке существует явное различие между русским как этнической категорией и русским как политической категорией (русские и россияне), которое в контексте постсоветской политики может пониматься как выражение политической общности этнических групп с Россией. Такая общность нередко характерна для служащих и ветеранов Российской армии, которые себя называют «российскими военными», стремясь подчеркнуть лояльность, а не этническую идентификацию с Россией [Laitin 1998, p. 266].

Также отмечено, что те, кто посещал или посещает дошкольные учреждения или среднюю школу с преподаванием на русском языке, чувствуют большую связь с русским языком, культурой, нежели посещавшие литовскую школу (особенно это касается молодого поколения). Таким образом, можно утверждать, что этничность не обусловлена географически (например, местом или страной рождения), но имеет связь с культурой и языком:

«Россия для меня – это образ какой-то... Россия – это Пушкин, Россия – это кино, Россия – это еще что-то... это никак не Москва, Питер или еще что-то... именно вот такое культурное что-то... с чем я ассоциируюсь...» (Сергей Сергеевич).

Культурную связь с Россией прекрасно иллюстрирует интервью представителя старшего поколения, который своей родиной считает Европу, но подчеркивает, что его сердце принадлежит России, потому что этнически он – русский:

«У меня отец и мать – русские, я был воспитан в русском духе, я – православный... Спасибо, что они меня научили русскому языку. Потому что в Бельгии (его отец эмигрировал из России во время революции – прим. автора) очень мало говорят. Теперь даже эмигранты, даже мое поколение, очень мало говорят по-русски. Я не имею высшего образования на русском (смеется), зато

на французском есть, но я могу хоть говорить, читать по-русски. Я себя в душе считаю русским. Но для меня самое лучшее было получить европейский паспорт. У меня два паспорта, бельгийский и французский» (Николай Владимирович).

Обсуждая связи и идентичность информантов со своей исторической родиной, нужно упомянуть и о русских гражданских организациях в Литве, которые для многих респондентов становятся местом, где они сохраняют культуру своей исторической родины, поддерживая связи с другими членами общины, говоря на своем родном языке. Почти все информанты, опрошенные во время качественного исследования ENRI-East в Литве, участвуют в деятельности и руководят этническими культурными организациями или посещают мероприятия, организуемые этими организациями. Они довольно активны граждански и политически: участвуют в выборах, знают о созданных по этническому принципу партиях, вносят свой вклад в их деятельность.

Несмотря на то, что большинство русских общественных организаций занимаются практикой, связанной с пропагандой русской (часто народной) культуры, они не сотрудничают между собой. Хотя они и созданы по этническому принципу, они не осуществляют совместные с общественными организациями других национальностей или этнического большинства проекты [Frėjūtė-Rakauskienė 2007]. Социологи и историки [Kasatkina, Leončikas 2003; Beresnevičiūtė 2006, p. 89; Potashenko 2010] утверждают, что отчасти эти организации не становятся фактором, интегрирующим их в общество большинства, но наоборот, вытесняющим русское меньшинство на периферию общества. Например, литовский историк Г. Поташенко пишет, что понятие «гражданское общество» в словаре русских активистов отсутствует, равно как и в программах политических партий, гражданских объединений [Potashenko 2010, p. 102]. С другой стороны, он отмечает, что деятельность русских молодежных организаций более открыта и граждански ориентирована, чем деятельность ассоциаций их старших коллег, которая нередко все еще содержит в себе архаические, имперские элементы и ностальгию по советской системе [Potashenko 2010, p. 106–107].

Русские Латвии (эпизод второй)

Русские, родившиеся в Латвии, особенно представители старшего поколения или старообрядцы, считают Латвию своей родиной, однако идентифицируются с Россией (считают себя русскими по этническому происхождению). Информанты, родившиеся в России, больше идентифицируются с местом проживания в Латвии (даже с улицей) и чувствуют определенную связь не с самой Россией, а определенным местом (напр., Брянском, в котором живет дочь с семьей). Респондентка старшего поколения, родившаяся в России, говорит, что русские в России и в Латвии различаются. Она считает, что на русских в Латвии оказала влияние латышская культура, по ее мнению, они вежливее.

Родившиеся в Латвии респонденты часто не ощущают связи с Россией, не имеют там друзей или родственников: так, для одного информанта среднего возраста, работающего водителем дальних рейсов, связь с Россией обусловлена лишь его профессией, поскольку обычно его маршрут в Казахстан проходит через Белоруссию и Россию. Представительница среднего поколения считает себя

русской, потому что живет в Даугавпилсе, где преобладают люди русской национальности, и почти везде, кроме работы, она говорит по-русски, однако она полагает, что Латвия – ее родной дом и никуда не хотела бы уезжать из этой страны; ее родители – русские из Латвии. Другая информантка среднего поколения, родившаяся в Риге, считает себя наполовину русской, наполовину латышкой. Это не имеет ничего общего с ее происхождением, поскольку ее отец имеет польские корни, а она считает себя «прибалтийской русской» – ни русская, ни латышка, а что-то среднее.

«Мне на работе одна коллега очень точно назвала, кто мы такие, нас несколько таких людей, которые владеют в совершенстве несколькими языками, и они ни русские, ни латыши. Она сказала: “Вы понимаете, латыши вас не принимают, потому что вы не латыши, и русские вас не берут, потому что вы не ихние. Вы вот находитесь между”. Но можно сказать, как говорит юморист Михаил Задорнов: “Самые лучшие русские – это прибалтийские русские”».

Информант среднего поколения, родившийся в Латвии, считает себя латвийским русским, поскольку его родители – русские; он гордится русской культурой, но его социальные связи в России очень слабы, поэтому ехать туда он не хочет.

Что касается представителей молодого поколения, то даже те, кто родился и живет в Латвии, отождествляют себя с Россией, чувствуют себя частью этой страны: так, информантка, навестившая своих родственников в России, чувствовала себя там очень комфортно:

И.: Какую страну ты чувствуешь своей родиной больше, Латвию или Россию?

Р.: Россию все-таки. Хотя я здесь родилась, но я два года назад ездила в Россию, и мне было просто хорошо. Мне на душе спокойно, а здесь мне как-то немножко не то. А там умиротворение, вообще, душевное.

И.: А отчего это зависит? От природы, от людей?

Р.: От людей, во многом от людей. Я очень удивилась, что меня сразу приняли с улыбками, чуть ли не с караваем. Дружба, любовь от людей исходит. Здесь в Латвии не с каждым получится поговорить вот так, если посудить.

И.: А как это проявляется в Латвии?

Р.: Хладнокровность. Каждый своими проблемами занят, куда-то спешит, пытается больше заработать. Друг друга не замечают, а в России так просто не пройдешь» (Алиса Вениаминовна).

Также можно отметить, что представители молодого поколения, даже те, кто никогда не бывал в России, говорят, что на них в большей степени повлияла русская культура и русская община, чем латышская; чувствуется, что Россия отчасти идеализируется. Информант мечтает посетить Россию, поехать по стране, в которой все говорят по-русски:

Р.: Наверное, самый первый пункт назначения – это Москва. Второй город – это все-таки Санкт-Петербург, говорят, очень красивый город и поэтому очень хотелось бы на него поглядеть. Он такой чисто русский город.

И.: А в России тебе бы хотелось побывать, просто посмотреть там архитектуру или потому что ты чувствуешь какую-то связь?

Р.: И то, и то. Просто объехать страну, где полностью все на русском! Которая практически кардинально отличается от того, где мы живем теперь» (Антон Гаврилович).

С другой стороны, есть и молодые информанты, имеющие противоположное мнение: один представитель молодого поколения также видит явные отличия между русскими, живущими в России, и русскими в Латвии и говорит, что отождествляет себя не с российскими русскими, а с общиной русских Латвии. Он считает Москву грязным городом, который всегда будет чужим, впрочем, он такой же чужой, как и Рига.

Другая представительница молодого поколения также идентифицируется с русской общиной. Она никогда не была в России, но она чувствует себя частью русской общины, особенно когда празднуется 9 Мая. В своем интервью она пытается описать, что значит 9 Мая для русских, даже для тех, кто не воевал, и подчеркивает важность этой даты:

«Да-да, чувствую! Для меня 9 Мая праздник, великий! Я в этот день чувствую свою принадлежность к русским, к России. У меня всегда в этот день такое приподнятое настроение, я каждый год иду к памятнику, и всегда с утра до самого вечера, часов до десяти, до салюта, нахожусь там. Общаюсь с ветеранами, которых осталось очень мало и, в конечном итоге, их скоро не будет, и не будет людей, с которыми можно пообщаться, спросить, как там было на самом деле. И, кажется, что нужно впитывать от них то, что они могут рассказать, чтобы потом рассказывать своим внукам» (Мария Петровна).

Что касается участия русских информантов в гражданской и политической жизни Латвии, то данные качественного исследования показали, что опрошенные русские граждански и политически активны. Правда, участие в политической жизни страны тех русских, кто не является гражданами Латвии, ограничено. Некоторые опрошенные, представляющие среднее и молодое поколение, говорили, что участвуют в политике и являются членами политических партий или участвовали в митингах против проведения реформы образования в Латвии.

Обычно считается, что гражданские и политические организации русских в Латвии лучше организованы и более активны, однако латвийские ученые [Volkov 2009; Ijabs 2006] утверждают, что в сравнении с другими меньшинствами (польским, еврейским или немецким) организации русских не выделяются организованностью, вопреки неоднократным попыткам объединить их в зонтичные организации, которые представляли бы всю русскую общину [Ijabs 2006, p. 78]. По утверждению В. Волкова, общественные организации русских в Латвии больше ориентированы на культурные и образовательные цели, сохранение культурно-исторического наследия, его восстановление и популяризацию; такие организации становятся практически единственной средой русской социальной жизни. Нередко они поощряют социальную модель интеграции меньшинств, отличную от пропагандируемой государством [Volkov 2009, p. 107], и из-за часто популистских, реакционных и радикальных сантиментов не всегда соответствуют «идеально-типичным» формам гражданской активности, известным на Западе [Ijabs 2006, p. 82–83]. С другой стороны, считается, что обоюдная изоляция сегментов русских и латышских гражданских обществ со сменой поколений будет постепенно исчезать, поскольку замечено, что молодежные организации гибче и открыты для мультикультурности, однако определенное разделение идентичностей все же останется, особенно когда речь идет об исторических событиях и их интерпретации, интеграционной и языковой политике [Ijabs 2006, p. 82–83].

Общность русских с Европой и взгляд на Европейский союз

Русским информантам задавались вопросы об их общности с европейским регионом и Европой. С целью раскрытия европейской идентичности информанта ему предоставлялась карта Европы с просьбой указать в порядке значимости три места (города, страны, регионы), к которым информант считает себя причастным, далее информанта просили мотивировать свой выбор. Задавались следующие вопросы: чувствуете ли вы себя европейцем, что для вас значит быть европейцем? Кроме того, ставилась цель узнать, как информанты оценивают ЕС и проводимую им политику, что они думают о расширении ЕС.

Русские Литвы (эпизод третий)

В Литве, в отличие от Латвии, при изучении результатов качественного исследования данные об общности русских с европейским регионом оказались сложно обобщаемыми. Можно отметить слабую тенденцию, указывающую на то, что представители младшего поколения русских больше отождествляют себя с европейским регионом, Европой. Общность информантов среднего и старшего поколения уточнить сложнее, поскольку на карте Европы ими указывались разные государства в зависимости от профессии, увлечений, стран и городов, в которых они воевали во время Второй мировой войны.

Также выяснилось, что для большинства информантов общность с европейским регионом ассоциируется не со странами Европы, их менталитетом, общей культурой, религией [Eder 2006], а с институтами Европейского союза и проводимой им политикой, но лишь немногие из опрошенных респондентов подчеркнули эту разницу:

«На самом деле очень много людей у нас так считает, что у нас европейская идентичность, мы – уже европейские люди. В смысле, не Евросоюза, а Европы как континента. И Евросоюза тоже» (Наталья Михайловна).

Некоторые из опрошенных говорили, что они чувствуют себя европейцами из-за общего менталитета преобладающих на европейском континенте культуры и религии:

«Ну, скорее, да (пауза). Ну да, чувствую. Можно сказать и так. Нечасто, честно говоря, об этом думаю, европейка ли я. Но, например, могу договориться с людьми из Европы, в смысле, найти общий язык, у нас одинаковые проблемы... может и потому, что могу ездить по Европе с зеленым паспортом» (Анна Олеговна).

Представители молодого поколения в большей степени чувствуют себя ориентированными на Европу из-за новых ресурсов, которые им может предложить ЕС: возможность учиться, жить в других странах и утвердиться на рынке труда.

«А теперь, поскольку планирую будущее, не такое уж и далекое (смеется), планирую сначала мигрировать в Англию. Но это была бы только первая страна, потому что еще надо лучше выучить английский язык. Очень там не хочется работать с таким образованием. Знаю, что оно не признается, но тебе оно все равно много дает и как-то в кафе официанткой работать точно не хочется.

<...> Если не в Англию, то в Норвегию или в Швецию. В Финляндию очень хотела бы... Мечтала об Испании, но знаю, что сейчас там ситуация ужасная» (Наталья Михайловна).

Почти все опрошенные в качественном исследовании представители молодого поколения собираются эмигрировать из Литвы, родители некоторых из них уже живут за рубежом. При этом, несмотря на то, что молодые информанты в Литве идентифицируют себя с Евросоюзом, они также идентифицируются и со странами Европы (Украина, Польша, Белоруссия, Словакия), в которых живут «русскоговорящие» (информанты в большинстве случаев описывают себя как «русскоговорящие»)⁴.

«Первой была бы Европа. (Пауза). Второй была бы эта русскоговорящая община. Россия... И в Киргизии, и в Армении понимают по-русски... Это была бы община русскоговорящих, а не община русских. Большая разница» (Наталья Михайловна).

Говоря об отождествлении себя с «русскоговорящими», Д. Лаитин отмечает, что члены этнической группы русских в странах, в которых в 1989 г. начались движения народного возрождения, сформировали новую «объединяющую» идентичность на языковой, а не на этнической основе [Laitin 1998, p. 265]. Ученый утверждает, что неприемлемую более категорию идентичности «граждане Советского Союза» заменила категория «русскоязычные» [Laitin 1998, p. 191]. Таким образом, общность с «русскоязычными» заметна не только среди старшего поколения, но и среди молодежи.

Данные количественного исследования ENRI-VIS показывают более положительную оценку Европейского союза этнической группой русских: так, лишь 15% русских Литвы имеют крайне отрицательное или скорее отрицательное мнение о ЕС, 33% русских оценивают ЕС положительно или скорее положительно, а 42% русских в Литве имеют нейтральное мнение о ЕС [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 39].

В Литве негативный взгляд старшего поколения на ЕС распространяется на декларируемые европейские ценности, особенно на свободу слова. Несколько опрошенных также критиковали институции Евросоюза и выражали недовольство статусом Литвы в ЕС. Часто утверждалось, что ЕС использует маленькие государства и их территории для достижения своих целей, идентичность маленьких стран исчезает вместе с их языком; также серьезно критиковалась проводимая Евросоюзом в государствах-членах политика, связанная с сельским хозяйством.

Надо отметить, что имелось и весьма восторженное мнение о Европейском союзе: информантка среднего поколения утверждала, что Литва и ее население получают много выгоды от ЕС и называла Европу «нашей большой родиной».

«А теперь Европа – это наша большая родина. Больше свободы у людей, больше выбора. Особенно на сегодняшний день, люди могут уехать куда-то работать. Друг другу помогают в Союзе люди... государства. Так, как и в большой семье. Если кому-то плохо, кто-то поможет. Считаю, что очень хорошо. Я считаю, что выиграла. Ну, сколько теперь помощи... Только что политики не умеют воспользоваться тем, что Евросоюз дает».

Возникает вопрос: каковы причины этого скептицизма? В Литве, как и в Латвии, негативный взгляд русских на ЕС был отражен в русскоязычных печатных

⁴ «Русскоговорящими» чаще себя характеризуют русские, живущие в Литве, но не в Латвии.

СМИ, являющихся в обеих странах, по признанию ученых, перепечатками российской прессы, передающей скептическую позицию властей Российской Федерации по отношению к ЕС. Проведенное в 2003 г. исследование литовской прессы на русском языке показало, что в еженедельнике на русском языке «Обзор» преобладали европессимистические статьи, в основном перепечатанные из российской прессы [Frėjutė-Rakauskienė 2005].

Что касается тревог, связанных с будущим Европы и Евросоюза, то данные количественного исследования ENRI-VIS показали, что лишь 15% русских в Литве имеют очень негативное или скорее негативное мнение о ЕС, а почти половина опрошенных русских в Литве опасается больших проблем для этнических меньшинств (52%) и утраты русской культуры и идентичности (49%) [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 39]. Более половины опрошенных русских (56%) считает, что вхождение Литвы в ЕС приносит больше пользы или скорее приносит пользу [Beresnevičiūtė (1) 2011, p. 39].

Русские Латвии (эпизод третий)

Большинство русских в Латвии подчеркивали, что они не идентифицируют себя ни с Европой, ни с европейским регионом, но идентифицируются с местом, в котором живут (привязаны к месту, в котором живут):

И.: Есть такое понятие – европейцы, а Вы себя чувствуете связанной, например, с немцами, как европейцы?

Р.: Нет, никакой связи. И с Россией особой связи нет. Я вот какая-то местечковая. И с Европой, знаете, когда вижу все эти европейские звездочки, все эти флажки, у меня никакого чувства, даже интереса нет. Я сразу вспоминаю, какие советские были символы, Советского Союза, у нас у всех была гордость. Как бы мы ни жили, мы все, была какая-то гордость» (Александра Кирилловна).

В отличие от Литвы, в Латвии в большинстве случаев информанты не идентифицируют себя ни с Европой как культурным регионом, ни с ЕС как политическим объединением. Представители старшего и среднего поколений вообще не ощущают общности с Европой и очень критично настроены в отношении к ЕС (некоторые упоминали, что на референдуме о вступлении Латвии в ЕС голосовали «против»). Представители молодого поколения не расценивают Европу как регион («Я европеец, и все. На самом деле ничего особенного»), но подчеркивают предоставляемые ЕС как политической институцией возможности для путешествий и гарантии государственной и личной безопасности.

Информанты молодого поколения русских, гордившиеся тем, что Латвия вступила в ЕС, теперь замечают, что ситуация изменилась, а одним из примеров ее ухудшения называют затруднение поездок русских в Россию, хотя в то же самое время подчеркивают и открывшиеся возможности учебы и работы. Несколько опрошенных респондентов, идентифицирующих себя с Европой, считают, что присоединение страны к ЕС принесло больше преимуществ латышам в Латвии, чем живущим в Латвии русским, поскольку русские, не являющиеся гражданами Латвии, сталкиваются с проблемами:

И.: Как Вам кажется, вступление Латвии в Евросоюз как-то повлияло на русскую общину или оно повлияло на всех латвийцев одинаково?

Р.: Мне кажется, одинаково повлияло. Ну, опять-таки здесь деление. Большие возможностей опять-таки для граждан. Для неграждан все равно есть проблемы и при пересечении границы, и при устройстве на работу в европейских странах, и при получении высшего образования. Гражданский паспорт позволяет все это без проблем. А вот паспорт негражданина...» (Екатерина Константиновна).

Например, негражданин Латвии выражал неудовлетворенность тем, что не мог голосовать на референдуме перед вступлением Латвии в ЕС:

«И.: Как Вы оцениваете расширение Европейского союза, то есть вступление Прибалтики?»

Р.: Как я оцениваю... меня же никто не спрашивал! Я говорил, что мой голос понадобился, чтобы проголосовать за отделение от Советского Союза, а за присоединение к Европе мой голос уже никого не интересовал, хотя я здесь живу 44 года. На самом деле, мой голос никому не нужен. И что я скажу, по большому счету, там, в Брюсселе, все равно, что чувствует здесь Алексей Сергеевич со своей семьей, со своим сыном» (Алексей Сергеевич).

Во время количественного исследования ENRI-VIS выяснилось, что в сравнении с мнением русских Литвы взгляд русских Латвии на ЕС – более негативный (45,5%), лишь небольшая часть опрошенных позитивно оценивает ЕС (17%) [Beresnevičiūtē (2) 2011, p. 36]. Статистически респонденты молодого возраста более позитивно думают о ЕС в сравнении с респондентами старшего поколения. Кроме того, в отличие от русских Литвы, большинство латвийских русских (61%) считают, что Латвия не имеет выгоды от вступления в ЕС. Также как и русские Литвы, латвийские русские считают, что не получили пользы от вступления в ЕС, говоря о политическом признании меньшинств (51%) и пропаганде их культуры (58%). По данным количественного исследования ENRI-VIS, в Латвии, как и в Литве, оценивая страхи, связанные с будущим Европы и ЕС, русские опасаются больших сложностей для этнических меньшинств (50%) и утраты русской культуры и общности (по 50% соответственно) [Beresnevičiūtē (2) 2011, p. 36].

Вероятно, что на причины скептицизма русских Латвии и Литвы в отношении ЕС повлияли схожие факторы. Латвийский социолог И. Шулмане, говоря о СМИ как факторе интеграции, утверждает, что пресса Латвии на латышском и русском языках представила разные интерпретации большинства событий внутренней политики: провозглашения независимости Латвии, обсуждения законов о гражданстве и языке, реформы образования, отношения к ЕС, НАТО, национального плана развития и др. [Šulmane 2010, p. 240]. В опубликованном Балтийским институтом социальных наук исследовании [Zera, Šīrpule 2005] говорится, что взгляд на интеграцию Латвии в ЕС и НАТО особенно различался в латышской и русской общинах и в значительной мере это было связано с различными информационными пространствами латышей и русских.

Выводы

Исследование ENRI-East показало, что этничность общность и этническая идентичность важны для всех поколений русских, опрошенных в Литве и Латвии, хотя и различаются по возрастным группам в зависимости от исторического периода, когда информанты или их семьи прибыли в страну, и от того, родился ли информант в Латвии или Литве.

Отмечается, что во всех поколениях, опрошенных в Латвии, преобладает ярко выраженная локальная идентичность: информанты отождествляют себя с улицей, на которой живут, городом, регионом или страной (Латвией). Даже те неграждане, кто родился в Латвии, имеют локальную идентичность (отождествляются со страной, местом проживания) и не отождествляют себя с Россией. Русские представители молодого поколения, родившиеся в Латвии (как и в Литве) имеют более выраженную локальную идентичность – страну проживания они считают своей родиной, но чувствуют общность с Россией в культурном плане (язык, религия, литература). Многие указывают, что все еще думают по-русски, хотя хорошо владеют латышским языком. Опрошенные латвийские русские всех поколений, даже те, кто родился не в Латвии, а в России, считают Латвию своим домом и редко испытывают ностальгию.

Что касается национальной и локальной идентичности в Литве, то здесь более заметны различия не по возрастным группам, а между теми, кто родился в Литве, и за границей: респонденты молодого и среднего поколений, родившиеся в Литве, отождествляются в большей степени с Литвой, чем с Россией. С другой стороны, замечено, что наиболее крепкую культурную связь с Россией имеют те, кто посещал детский сад или среднюю школу с преподаванием на русском языке. Старшие информанты, родившиеся в России, имеют более выраженную локальную, а не национальную идентичность, например, отождествляют себя, скорее, не со всей Литвой, а с городом проживания, считая его своим родным домом.

Что касается напряжения между этническим меньшинством и обществом большинства, то в старшей группе информантов оно больше связано с языком (незнанием латышского или литовского языков). В Латвии этническое напряжение информантами ощущается гораздо сильнее, особенно в повседневной жизни, но при этом утверждается, что этническое напряжение и этническая нетерпимость, обращенные против русских на сегодняшний день, в сравнении с ситуацией 1991 г., спадает.

В Литве разницы между возрастными группами в отождествлении с Россией отсутствует: представители всех поколений чувствуют связь с Россией. Они отождествляют себя с Россией (как с регионом) или странами, в которых преобладает русский/славянские языки (Украина, Польша, Беларусь, Словакия), потому что определяют себя «русскоязычными» жителями вне России. Эта тенденция шире раскрылась во время биографических интервью с молодыми русскими, живущими в Литве, однако при этом молодые русские Литвы выказали большее, чем в Латвии, желание эмигрировать. С другой стороны, представители молодого поколения больше идентифицируют себя не со страной (географически), а с русской культурой. Отчасти можно утверждать, что информанты старшего поколения скорее чувствуют связь с культурой не современной Российской Федерации, а Советского Союза, повлиявшей на людей, их менталитет, культурные традиции.

В Латвии, как и в Литве, общность с Россией выражена достаточно ярко: русские информанты (особенно старшего поколения), родившиеся в Латвии, а также старообрядцы, считают Латвию своей родиной, однако идентифицируются с Россией по этническому происхождению. Русские старшего поколения, родившиеся в России, имеют более сильную локальную идентичность как в Латвии (место проживания), так и в России (место проживания родственников). Что касается респондентов молодого поколения, то даже те, кто родился и живет в Латвии, ощущают себя частью России. В Литве, в сравнении с Латвией, Россия и ее культура среди

информантов всех поколений больше идеализируется, в то время как в Латвии респонденты опираются на личный опыт.

Что касается европейской идентичности в отдельных возрастных группах и странах, то в Литве представители молодого поколения больше идентифицируются с европейским регионом, Европой, а идентификация с Европой представителей среднего и старшего поколений сложнее обобщаема. Отмечено, что для большинства опрошенных в Литве Европа – это не географический регион со своим менталитетом и культурой, а скорее, институции ЕС, т.е., преобладает не культурная, а политическая общность с Европой. В Латвии, в отличие от Литвы, информанты всех возрастов меньше идентифицируются с Европой как культурным регионом и с Европейским союзом как политическим объединением. Среди латвийских русских заметен более сильный скептицизм в отношении ЕС, чем в Литве. С другой стороны, как и в Литве, в Латвии русские подчеркивают появление новых, более широких возможностей для учебы и работы в Европейском союзе. Аргументы евроскептиков в вопросе общности русских в Латвии и Литве с ЕС различаются: в Латвии они связаны со специфическим статусом негражданина и положением русских в обществе после вступления Латвии в ЕС; в Литве они больше соответствуют ожиданиям и проблемам общества большинства, отсутствуют специфические проблем, связанные с положением этнических меньшинств.

Несмотря на разницу идентичностей между странами и поколениями, единственное, что объединяет информантов разного возраста как в Литве, так и в Латвии – это общность с историей России (особенно единство в ее трактовке и интерпретации). Возможно, общая интерпретация истории в этнической группе русских в обеих прибалтийских республиках – это явный признак отличия и инаковости русской идентичности от литовского и латышского большинства и тем самым – признак общности со своей этнической группой.

Литература

- Волков В. (1999) Русские в Латвии во времена Российской империи // <http://www.latvia.lv/ru/library/nacionalnye-menshinstva>
- Касаткина Н. (1997) Особенности национальной идентификации русской интеллигенции Литвы в межвоенный период // Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.). Под ред. Н. Арлаускайте. Вильнюс: Русский культурный центр.
- Касаткина Н. (2007) Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества? // *Etniškumo studijos*, no 2. Baltijos jūros regiono rusai: mažuma ir valstybė. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas/Eugrimas.
- Поташенко Г. (2006) Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы и материалы. Вильнюс: Айдай.
- Beresnevičiūtė V. (2005) Etninių grupių socialinės integracijos dimensijos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje // *Etniškumo studijos*.
- Beresnevičiūtė V. (1) (2011) Main Findings of the ENRI-VIS Survey // Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Lithuania / Eds. by Chvorostov A., Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Beresnevičiūtė V. (2) (2011) Main Findings of the ENRI-VIS Survey // Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Latvia / Eds. by Chvorostov A., Heinrich H.G. EC. European Research Area.

- Beresnevičiūtė V., Leončikas T., Marcinkevičius A., Matulionis A., Šliavaite K. (1) (2011) Russians in Latvia: A Background Overview // Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Latvia / Eds. by Chvorostov A.; Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Beresnevičiūtė V., Leončikas T., Marcinkevičius A., Matulionis A., Šliavaite K. (2) (2011) Russians in Lithuania: A Background Overview // Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Lithuania / Eds. by Chvorostov A.; Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Etniškumo studijos (2007/2): Baltijos jūros regiono rusai: mažuma ir valstybė // Ethnicity Studies. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas/Eugrimas.
- Eder K. (2006) Europe's Borders. The Narrative Construction of the Boundaries of Europe // European Journal of Social Theory, vol. 9, no 2.
- Eder K. (2009) A Theory of Collective Identity. Making Sense of the Debate on a "European Identity" // European Journal of Social Theory, vol. 12, no 4.
- Frėjutė-Rakauskienė M. (2005) Etniškumo dėmenys žiniasklaidoje: Lietuvos spauda rusų kalba apie narystę ES // Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos, no 5. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.
- Frėjutė-Rakauskienė M. (2009) Etninis nepakantumas Lietuvos spaudoje / Ethnic Intolerance in the Lithuanian Press // Etniškumo studijos, no 1. Socialinių tyrimų instituto Etninių tyrimų centras: Vilnius: Eugrimas.
- Frėjutė-Rakauskienė M. (2012) Lietuvos spauda ir visuomenės nuostatos apie rusų, ukrainiečių bei baltarusių etnines grupes ir naujuosius imigrantus // Etniškumo studijos, no 1-2. Vilnius: Lietuvos Socialinių tyrimų centras/In Flexum.
- Gada tautas skaitišanas rezultāti īsumā (2012) Informatīvais apskats. Latvijas Statistika.
- Hazans M. (2010) Ethnic Minorities in the Latvian Labour market 1997-2009: Outcomes, Integration Drivers and Barriers // How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges / Ed. by Muiznieks N. University of Latvia Press.
- Ijabs I. (2006) Russians and Civil Society // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. by Muiznieks N. University of Latvia Press.
- Kasatkina N., Leončikas T. (2002) Lietuvos tautinių grupių nuostatos integruojantis į Europą: lietuviai, rusai, lenkai // Staliūnas D. (sud.) Europos idėja Lietuvoje: istorija ir dabartis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla.
- Kasatkina N., Leončikas T. (2003) Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas.
- Kasatkina N., Marcinkevičius A. (2009) Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918-1940 m.: istorinės retrospektyvos konstravimas. Vilnius, Lietuvos socialinių tyrimų institutas: Eugrimas.
- Laitin D. (1998) Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Leončikas T. (2004) Lietuvos etninių grupių nuostatos dėl narystės Europos Sąjungoje // Etniškumo studijos. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas/Eugrimas.
- Lietuvos gyventojai 2011 metais 2011 metų gyventojų surašymo rezultatai. Lietuvos statistikos departamentas.
- Marcinkevičius A. (2007) Некоторые аспекты социальной ситуации русского меньшинства в Литовской Республике (1918-1940) // Etniškumo studijos, no 2. Vilnius: Eugrimas.
- Marcinkevičius A. (2012) Etninių grupių konstravimas Sovietų Sąjungos gyventojų surašymuose: rusų vaizdinio Lietuvoje aspektai // Etniškumo studijos, no 1-2. Vilnius: Lietuvos Socialinių tyrimų centras/In Flexum.
- Matulionis A. (1) (1992) Nationalism and the Process of State-Building in Lithuania // Sisyphus Social Studies. Vol. 2 (VIII). Warsaw: IPS Publishers.
- Matulionis A. (2) (1992) National minorities and national problems in Lithuania // National identity in the Baltic republics and Yugoslavia. Russland-Ogosteeuropastudier, no 10. Oslo: Universitetet I Oslo.
- Matulionis A. (2005) Tapatumo įvardinimas: sociologinių tyrimų duomenys // Grigas, R., Klimka, L. (sud.) Tautinės tapatybės dramaturgija. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.

- Muižnieks N. (2006) Government Policy and the Russian Minority // *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions* / Ed. by Muižnieks N. LU Akademiskais apgads.
- Muižnieks N. (ed.) (2010) *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. University of Latvia Press.
- Petrušauskaitė V., Pilinkaitė Sotirovič V. (2012) Rusai Lietuvoje: etninės grupės raida ir socialinės integracijos iššūkiai 2001-2011 m. // *Etniškumo studijos*, no 1-2. Vilnius: Lietuvos Socialinių tyrimų centras/In Flexum.
- Potashenko G. (2010) Russian of Lithuania (1990-2010): Integration in Civil Society // *Ethnicity*, no 3. Russian Minorities in the Baltic States. Daugavpils University, Latvia.
- Rozenvalds J. (2010) The Soviet Heritage and Integration Policy Developmenty Since the Restoration of Independence // *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. by Muižnieks N. University of Latvia Press.
- Sliavaite K. (2005) From Pioneers to Target Group: Social Change, Ethnicity and Memory in a Lithuanian Nuclear Power Plant Community. *Lund Monographs in Social Anthropology*. Vol. 16.
- Šliavaite K. (2012) Etninės mažumos darbo rinkoje: kalbos, pilietybės ir socialinių tinklų reikšmė (Visagino atvejis) // *Etniškumo studijos*, no 1-2. Vilnius: Lietuvos Socialinių tyrimų centras/In Flexum.
- Spruds A. (2000) Latvian Citizenship Law: Interaction of Internal and external factors // *Baltic Studies Newsletter*, no 93.
- Šulmane I. (2010) The Russian Language Media in Latvia // *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. by Muižnieks N. University of Latvia Press.
- Tabuns A. (2010) Identity, Ethnic Relations, Language and Culture // *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. by Muižnieks N. University of Latvia Press.
- Triandafyllidou A. (1998) National identity and the “other” // *Ethnic and Racial Studies*, no 21.
- Volkov V. (2009) “The Russian Community” as a Means of Self-identification of Russians in Latvia. Available at: http://www.ies.ee/iesp/No6/articles/iesp_no6_pp104-123.pdf
- Zepa B., Šūpule I. (2005) *Ethnopolitical Tensions in Latvia: Factors facilitating and Impending Ethnic Accord*. Riga: Baltic Institute of Social Sciences.
- Zepa B. (2010) Education for Social Integration // *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. by Muižnieks N. University of Latvia Press.

The Identity of Russians and its Expression in Lithuania and Latvia: a Comparative Aspect

A. MATULIONIS*, M. FREJUTE-RAKAUSKIENE**

***Arvidas Matulionis** – Senior researcher, Lithuanian Social Research Centre. Address: 11, Gostauto st., LT-01108 Vilnius, Lithuania. E-mail: matulionis@ktl.mii.lt.

****Monika Frejute-Rakauskiene** – Research fellow, Institute for Ethnic Studies, Lithuanian Social Research Centre. Address: 11, Gostauto st., LT-01108 Vilnius, Lithuania. E-mail: frejute@ktl.mii.lt.

In this article the authors seek to analyze the identities of Russians in Lithuania and Latvia. Particularly they reveal and compare how informants of different age groups perceive their ethnic origin and nationality, how they construct their identities and how it affects their attitudes towards their homeland and the policies in European Union. The research is based on qualitative data from several biographical interviews with the representatives of Russian ethnic minority in Lithuania and Latvia, which were collected as part of an international research project “ENRI-East: Interplay of European, National and Regional Identities: nations between states along the new eastern borders of the European Union”.

The authors find that local identity is strongly pronounced in all of the generations, who were interviewed in Latvia. However, in Lithuania there appears to be a slight difference between those who were born in Lithuania (more likely to identify themselves with Lithuania), and those who were born abroad (more likely to identify with Russia). In both cases the European identity is highly pronounced among the younger generations of Russians. At the same time all of the informants tend to perceive European identity in terms of its institutional aspect, rather than a certain geographical region and/or cultural domain.

Keywords: Russians in Lithuania, Russians in Latvia, ethnicity, local identity, national identity, European identity

References

Beresnevičiūtė V. (2005) Etninių grupių socialinės integracijos dimensijos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje [Dimensions of Social Integration of Ethnic Groups in the Contemporary Society of Lithuania]. Etniškumo studijos.

- Beresnevičiūtė V. (1) (2011) Main Findings of the ENRI-VIS Survey. *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Lithuania*. Eds. by Chvorostov A., Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Beresnevičiūtė V. (2) (2011) Main Findings of the ENRI-VIS Survey. *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Latvia*. Eds. by Chvorostov A., Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Beresnevičiūtė V., Leončikas T., Marcinkevičius A., Matulionis A., Šliavaite K. (1) (2011) Russians in Latvia: A Background Overview. *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Latvia*. Eds. By Chvorostov A.; Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Beresnevičiūtė V., Leončikas T., Marcinkevičius A., Matulionis A., Šliavaite K. (2) (2011) Russians in Lithuania: A Background Overview. *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Lithuania*. Eds. by Chvorostov A., Heinrich H.G. EC. European Research Area.
- Baltijos jūros regiono rusai: mažuma ir valstybė (2007) [Russians in the Baltic Sea Region: Minority and State]. *Etniškumo studijos*, no 2.
- Eder K. (2006) Europe's Borders. The Narrative Construction of the Boundaries of Europe. *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no 2.
- Eder K. (2009) A Theory of Collective Identity. Making Sense of the Debate on a "European Identity". *European Journal of Social Theory*, vol. 12, no 4.
- Frėjūtė-Rakauskienė M. (2005) Etniškumo dėmenys žiniasklaidoje: Lietuvos spauda rusų kalba apie narystę ES [Dimensions of Ethnicity in Mass Media: Lithuanian Press in the Russian Language on the Membership in the European Union]. *Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*, no 5.
- Frėjūtė-Rakauskienė M. (2009) Etninis nepakantumas Lietuvos spaudoje [Ethnic Intolerance in the Lithuanian Press]. *Etniškumo studijos*, no 1.
- Frėjūtė-Rakauskienė (2012) Lietuvos spauda ir visuomenės nuostatos apie rusų, ukrainiečių bei baltarusių etnines grupes ir naujuosius imigrantus [Lithuanian Press and Public Opinion about Russians, Ukrainian and Belarusian Ethnic Groups and New Immigrants]. *Etniškumo studijos*, no 1-2.
- Gada tautas skaitėšanas rezultāti īsumā (2012) *Informatīvais apskats* [The annual population census results in brief (2012) The informative review]. Latvijas Statistika.
- Hazans M. (2010). Ethnic Minorities in the Latvian Labour Market 1997-2009: Outcomes, Integration Drivers and Barriers. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Ed. by Muiznieks N. University of Latvian Press.
- Ijabs I. (2006) Russians and Civil Society. *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*. Ed. by Muiznieks N., University of Latvia Press.
- Kasatkina N. (1997) Osobennosti natsional'noi identifikatsii russkoi intelligentsia Litvy v mezhoennyi period [The Features of National Identity of Russian Intelligentsia of Lithuania in the Interwar Period]. *Russkiye Pribaltiki. Mekhanizm kulturnoy integratsiyi (do 1940)* [Russians of the Baltic States. The Mechanism of Cultural Integration (till 1940)]. Ed. By Arlauskaite N., Vilnius: Russian Culture Centre.
- Kasatkina N. (2007) Russkie v sovremennoy Litve: menshinstvo, diaspora ili chast' grazhdanskogo obschestva? [Russians in Contemporary Lithuanian Society: Minority, Diaspora or Part of Civil Society?]. *Etniškumo studijos*, no 2.
- Kasatkina N., Marcinkevičius A. (2009) *Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918-1940 m.: istorinės retrospektyvos konstravimas* [Russians in Lithuanian Society in 1918-1940: the Construction of Historical Retrospective], Vilnius: Lietuvos socialinių tyrimų institutas: Eugrimas.
- Kasatkina N., Leončikas T. (2002) Lietuvos tautinių grupių nuostatos integruojantis į Europą: lietuviai, rusai, lenkai [Attitudes of Ethnic Groups Towards European Integration in Lithuania: Lithuanians, Russians, Poles]. *Europos idėja Lietuvoje: istorija ir dabartis* [The Idea of Europe in Lithuania: History and Present], Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla.
- Kasatkina N., Leončikas T. (2003) *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga* [The Adaptation of Ethnic Groups in Lithuania: Context and Process], Vilnius: Eugrimas.

- Laitin D. (1998) *Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near abroad*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Leončikas T. (2004) Lietuvos etninių grupių nuostatos dėl narystės Europos Sąjungoje [The Adaptation of Ethnic Groups in Lithuania: Context and Process]. *Etniškumo studijos. Lietuvos gyventojai 2011 metais 2011 metų gyventojų surašymo rezultatai* [Lithuanian 2011 Population Census in Brief]. Lietuvos statistikos departamentas.
- Marcinkevičius A. (2007) Nekotorye aspekty sotsialnoi situatsii russkogo menshinstva v Litovskoi Respublike (1918-1940) [Some Aspects of the Social Situation of the Russian Minority in the Republic of Lithuania (1918-1940)]. *Etniškumo studijos*, no 7.
- Marcinkevičius A. (2012) Etninių grupių konstravimas Sovietų Sąjungos gyventojų surašymuose: rusų vaizdinio Lietuvoje aspektai [Constructing Ethnic Groups in the Censuses of the Soviet Union: Image of Russians in Lithuania]. *Etniškumo studijos*, no1-2.
- Matulionis A. (1992) Nationalism and the Process of State- Building in Lithuania. *Sisyphus Social Studies*, vol. 2 (VIII), Warsaw: IPS Publishers.
- Matulionis A. (1992) National minorities and national problems in Lithuania. *National identity in the Baltic republics and Jugoslavia. Russland-Ogosteuropastudier*, no 10.
- Matulionis A. (2005) Tapatumo įvardinimas: sociologinių tyrimų duomenys [Naming Identity: the data of Sociological Research]. Ed. by Grigas R., Klimka L. *Tautinės tapatybės dramaturgija* [Dramaturgy of Ethnic Identity], Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.
- Muižnieks N. (2006) Government Policy and the Russian Minority. *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*. Ed. by Muižnieks N. LU Akademiskais apgads.
- Muižnieks N. (ed.) (2010) *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*, University of Latvia Press.
- Petrušauskaitė V., Pilinkaitė Sotirovič V. (2012) Rusai Lietuvoje: etninės grupės raida ir socialinės integracijos iššūkiai 2001-2011 m. [Russians in Lithuania: Developments of an Ethnic Group and Challenges of Social Integration 2001-2011]. *Etniškumo studijos*, no 1-2.
- Potashenko G. (2010) Russian of Lithuania (1990-2010): Integration in Civil Society. *Ethnicity*, no 3.
- Rozenvalds J. (2010) The Soviet Heritage and Integration Policy Developmenty Since the Restoration of Independence. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Ed. by Muižnieks N. University of Latvian Press.
- Šliavaitė K. (2005) From Pioneers to Target Group: Social Change, Ethnicity and Memory in a Lithuanian Nuclear Power Plant Community. *Lund Monographs in Social Anthropology*. Vol. 16. (PhD dissertation).
- Šliavaitė K. (2012) Etninės mažumos darbo rinkoje: kalbos, pilietybės ir socialinių tinklų reikšmė (Visagino atvejis) [Ethnic Minorities in Labour Market: the Importance of Language, Citizenship and Social Networks (the case of Visaginas)]. *Etniškumo studijos*, no 1-2.
- Šulmane I. (2010) The Russian Language Media in Latvia. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Ed. by Muižnieks N. University of Latvian Press.
- Spruds A. (2000) Latvian Citizenship Law: Interaction of internal and external factors. *Baltic Studies Newsletter*, no 93.
- Tabuns A. (2010) Identity, Ethnic Relations, Language and Culture. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Ed. by Muižnieks N. University of Latvian Press.
- Triandafyllidou A. (1998) National Identity and the “other”. *Ethnic and Racial Studies*, no 21.
- Volkov V. (2009) “The Russian Community” as a Means of Self-identification of Russians in Latvia. Available at: http://www.ies.ee/iesp/No6/articles/iesp_no6_pp104-123.pdf
- Zepa B., Šūpule I. (2005) *Ethnopolitical Tensions in Latvia: Factors facilitating and Impending Ethnic Accord*, Riga: Baltic Institute of Social Sciences.
- Zepa B. (2010) Education for Social Integration. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Ed. by Muižnieks N. University of Latvian Press.